

12+

александр балыбердин

САШ КИНА

история

когда налетит южный ветер

Александр Балыбердин

Сашкина история

«Издательские решения»

Балыбердин А.

Сашкина история / А. Балыбердин — «Издательские решения»,

1980 год. Шестиклассник Сашка неожиданно оказывается в центре удивительных событий, которые происходили в его городе три века назад. Погружение в историю. Неожиданные повороты сюжета. Захватывающие приключения. Сильные характеры. Яркие образы. Вечные вопросы. Нравнодушные ответы. Самостоятельный роман внутри романа «Накануне».

Содержание

ЧАСТЬ 1. Я ИДУ ИСКАТЬ!	6
Глава 1. Дом во дворе	6
Глава 2. Проснись и пой!	9
Глава 3. Степан Петрович	11
Глава 4. Что рассказал Фимка?	13
Глава 5. Что было на самом деле?	15
Глава 6. На высоком берегу	18
Глава 7. За дверью	19
Глава 8. Мишка	21
Глава 9. Театралка	23
Глава 10. Тысяча мелочей	25
Глава 11. Свой мирок	27
Глава 12. Главный интерес	29
Глава 13. В Кремле	31
Глава 14. Гости из будущего	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сашкина история

Александр Балыбердин

Иллюстрации "Шедеврум"

© Александр Балыбердин, 2026

ISBN 978-5-0070-1593-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ 1. Я ИДУ ИСКАТЬ!

Глава 1. Дом во дворе

— Тридцать четыре, тридцать пять. Я иду искать!

Сашка юркнул в приоткрытую дверь, обернулся и обвёл взглядом двор. Не видел ли кто, куда он решил спрятаться? Нет. Вроде никого. Даже в песочнице, где любила копошиться малышня, ни души. Зашибись!

— Кто не спрятался, я не виноват! — крикнул Мишка и, отлипнув от трансформаторной будки похожей на выброшенный на берег пиратский корабль, зашагал к хоккейной коробке в центре двора.

Мишка был опытным водой и знал, где искать. Тем более что прятаться было негде. Двор считался образцовым и был вылизан до невозможности. Находясь в центре города, рядом с Домом Советов — огромным серым зданием, которого соседи почему-то побаивались. Почему? Этого Сашка не понимал. Но со временем стал замечать, что рядом с ним сам старается перейти на шаг и не болтать лишнего.

По периметру двор был застроен кирпичными домами, которые старики с уважением называли «сталинками». Всегда выкрашенными, высокими и крепкими. Способными устоять даже в случае ядерной войны, как говорили те же старики. Чего однако нельзя было сказать о детской площадке с облезшим грибком и вечно скрипящими качелями. С которых друзья порой сигали так высоко и далеко, что это заканчивалось синяками и слезами.

Глядя на этот эталон благополучия, прохожие недоумевали, как посреди сей образцовой красоты мог сохраниться старый дом в три окна. Построенный ещё во времена царя Гороха и чудом доживший до светлого советского будущего. Вопреки всем войнам, революциям и секретарям обкома, которые уже давно на него косились, но так и не сумели снести. Поскольку когда-то именно в этом неприметном доме на окраине города местные большевики устроили подпольную типографию и печатали листовки. О чём гласила табличка, которая недавно исчезла. Так как очередному хозяину Серого дома, завезя в нужный кабинет банку первоклассных солёных рыжиков, удалось-таки убедить столичное начальство снести это «печальное недоразумение», стоявшее под его окнами и пугавшее своим видом высоких гостей.

Пока же этого не случилось, табличку с дома сняли и водрузили на здание Дома Советов. Тогда же, пару недель назад, пропал и замок. С тех пор дверь в дом была приоткрыта, и именно

в эту дверь нырнул Сашка. Абсолютно уверенный в том, что никто не будет его здесь искать. Хотя бы потому, что тогда другие пацаны немедленно выскочат из своих укрытий, добегут до будки и застучат себя. Придётся Мишке водить снова, а он не дурак и рисковать не станет.

Глава 2. Проснись и пой!

Стараясь не скрипеть половицами, Сашка подкрался к входной двери и краем глаза выглянул во двор. Так и было! Мишка уже нашёл двоих — Эдика и Димку и теперь внимательно обшаривал двор глазами. Пытаясь понять, где могли спрятаться ещё двое: Сашка и новый знакомый Серафим, приехавший из Москвы навестить родственников, живших в первом подъезде.

Эдик и Димка откровенно скучали, отирая спинами стены будки, и лениво о чём-то переговаривались. О чём? Услышать этого Сашка не мог. До будки было далеко. Однако, судя по тому, что друзья попеременно поглядывали то на стоявшую в углу двора девятиэтажку, то на дом, в котором прятался Сашка, догадаться об этом было нетрудно.

Мишка ещё какое-то время поозирался, подошёл к друзьям, перекинулся с ними парой слов, и вся компания неспешно двинулась в сторону Сашкиного дома. Казалось, не пройдёт и минуты, и прятка будет раскрыта. Конечно, ещё можно было сыграть на опережение. Дождаться, когда друзья подойдут совсем близко, с диким криком выскочить из дома, броситься к будке и первым постучать по её стене. Сашка уже приготовился принять низкий старт, как вдруг рядом прозвучал мужской голос:

— Эй, пацаны! Вы, наверное, здесь всех знаете?

Друзья остановились, повернулись на голос и закивали головами. Как китайские болванчики. Настолько смешно, что Сашка едва не рассмеялся. Прильнув к щели, он увидел, что недалеко от крыльца стоит красная «пятёрка» с квадратными фарами. Новинка олимпийского года, встретить которую было большой редкостью. Рядом с ней, облокотившись на открытую дверь, стоял высокий, черноволосый мужчина в спортивном костюме и ладонью отбивал ритм песни, которая тем летом звучала на каждом углу:

Надо чтоб люди точно знали

Нет оснований для печали.

Завтра всё будет лучше чем вчера.

— Меланьин в какой квартире живёт?

Друзья перестали кивать и уставились на незнакомца, как баран на новые ворота.

— Владимир Меланин. Олимпийский чемпион.

Мальчишки переглянулись.

— Это Карла Либкнехта, 71. Верно?

Друзья снова закивали головами.

— В этом доме живёт Владимир Меланин. Олимпийский чемпион по биатлону. Неужели не знаете?

Сашке захотелось высунуться из своего укрытия, закричать: «Я знаю!» и отвести гостя к квартире Меланьиных, с которыми он жил в одном подъезде. Но его кто-то опередил:

— Ищите Меланьиных? Давайте, я покажу, где они живут.

Незнакомец сел в машину. Хлопнула дверь. «Пятёрка» взревела и, выпустив клубок едкого дыма, покатила к нужному подъезду. Еле слышно напевая:

Только туда и нет обратно.

То, что сейчас невероятно,

Завтра наверняка произойдёт.

Сашка снова прильнул к щели и тут же отпрянул. Увидев, что, пережив минуту позора, пацаны продолжили свой путь и уже стоят на пороге. Взвешивая, надо ли входить в дом или лучше подождать снаружи, когда Сашка сам из него выскочит.

Друзья стояли с той стороны двери, а Сашка с этой. Так близко, что было слышно, как Мишка вполголоса напевает:

Проснись и пой!
Проснись и пой!

Наконец, входная дверь подалась, предательски скрипнула и медленно отошла в сторону. Но вместо Мишкиной вихрастой головы в неё просунулась женское лицо. Немолодое, но по-прежнему красивое. Улыбающееся так искренне, что Сашке тоже захотелось в ответ улыбнуться.

— Опять во сне в прятки играл?

Женщина наклонилась, поцеловала Сашку и ласково провела ладонью по его волосам.

— Солнце моё, Степан Петрович! Жаль тебя будить, да пора просыпаться. Крестник твой примчался.

— Какой крестник? — переспросил Сашка, не понимая, кто эта женщина, и почему она назвала его чужим именем.

— Как какой? Фимка Нелюбин. Или у тебя ещё есть? — на этот раз более нетерпеливо выпалила женщина, перекрестилась на красный угол и выпорхнула из избы.

Только тогда Сашка заметил, что лежит в постели у окна, в которое уже просунулся солнечный летний день, заливая светом избу. Весьма просторную и всё же явно не советской эпохи, а времён, отстоящих от неё на пару или даже тройку столетий. Руки невольно потянулись к лицу и замерли, наткнувшись на колючую бороду. Он наклонил голову и уткнулся глазами в седой волос, что прилип к ладони.

Снова скрипнула дверь. Женщина вошла в избу, неся в руках кувшин с водой. Сашка сел в постели, их глаза встретились, и на этот раз женщина показалась ему близкой. Даже родной.

— С возвращением!

Лицо обожгло приятной прохладой. Сашка промокнул лицо полотенцем и протянул его женщине. Она взяла полотенце и ловким движением набросила его на изголовье постели, украшенное резными еловыми ветвями и шишками.

— Так звать Фимку или велеть прийти позже? С вечера остались пироги... — не успела договорить женщина.

Дверь распахнулась, и в ней показалась вихрастая голова крестника, который уже ухватил часть пирога и, стараясь скорее его прожевать, почти задыхаясь, выпалил:

— Дядя Степан! Слушай, что расскажу! Тут такие дела!

Глава 3. Степан Петрович

Как не наседал Фимка — дай расскажу да дай расскажу! — крёстный не уступил. Выставил крестника в сени, накинул на плечи зипун и вышел во двор, чтобы перевести дух и окончательно прийти в себя.

Спустившись с крыльца, Сашка подошёл к колодцу, бросил ведро, зачерпнул воду и, крепко держа ведро двумя руками, сунул в него лицо. Глубоко, по самую макушку. Ощувив как холод ударил наотмашь и прогнал остатки сна. Когда вода перестала капать, и гладь успокоилась, Сашка опустил глаза. На него смотрел уже немолодой мужчина, пятидесяти лет, с уставшим лицом, седой бородой и такими же седыми, слегка поредевшими волосами. Было видно, что годы его не пощадили. И только глаза оставались по-прежнему молодыми, цепкими.

Без малейшего сомнения это был он — Степан Петрович Рязанцев. Подьячий Хлыновской Приказной избы. Доверенное лицо и собинный друг воеводы Алексея Ивановича Римского. Слуга Государев. Заклятый враг всех лихоимцев, бездельников и бродяг, которые, едва его завидев, тут же переходили на другую сторону улицы и исчезали в ближайшей заборной щели. Особенно если подьячий шёл не один, а в сопровождении двух или трёх стрельцов. Тогда можно было и по шапке получить. «Для профилактики», — как говорил подьячий. Хотя, что это означало, не знал никто. Но все понимали — раз он так сказал, значит, так и надо.

Степан Петрович поставил ведро на край колодца, зачерпнул воду и умылся. Утренний морок как рукой сняло! «А день начинается славный!» — подумал он, глядя как солнце золотит макушки елей за оградой двора, за которой начинался самый настоящий лес.

Собственный дом Рязанцева находился в центре Хлынова возле торговой площади, где жили «лучшие» люди города. Здесь же, в слободке, была дача. Точнее загородное имение. Так как подьячему никто это дом не дал, но он сам его заимел, приобрёл пять лет назад, когда в Хлынов был назначен новый воевода думный дворянин Алексей Иванович Римский.

Место для дачи было выбрано неслучайно — на западной окраине города, вблизи Всевятской церкви, где местные власти встречали высоких гостей. Чтобы те могли после долгого и утомительного пути сесть за широкий стол, плотно заставленный разнообразными яствами, от которых затем во всех смыслах кружилась голова. Ну, куда после этого ещё тащиться и трястись по горбатым мостовым, мимо покосившихся домишек и кривых заборов? После чего, проведя на даче подьячего пару дней, гости на нагруженных подарками подводах отправлялись в столицу. Даже не побывав в Приказной избе и городских церквях. Чего они там, после Москвы, не видели?

При этом сам Степан Петрович довольствовался малым — небольшим домиком в три окна, стоявшим в углу двора в тени раскидистой черёмухи. Неприметным, но настолько дорогим хозяину, что войти в него могли немногие. Только самые близкие: воевода, ключница Анфиса Тимофеевна да Ефим Нелюбин, крестник и сын Ганки Нелюбина, что почил год назад и просил друга позаботиться о сыне.

Больше близких у Рязанцева не было. Супруга Любава скончалась, детей им Бог не послал, а снова идти под венец не хотелось. Правда, в народе уже давно судачили о том, что Анфиса в доме подьячего не только накрывает столы и моет полы. Но людская молва что волна морская — накатит и схлынет, а жизнь идёт, не оглянешься. Да уже и не хочется. Ни оглядываться, ни кого-то воспитывать. Особенно после пятидесяти, когда ценен каждый день. Например, вот этот — 25 июля 1679 года, который пришёлся на пятницу и начался так необычно.

Подьячий ещё раз обвёл хозяйским взглядом двор, поправил зипун, не спеша поднялся на крыльцо и вошёл в сени. Едва не столкнувшись с Фимкой, который давно расправился с пирогом и, зная характер крёстного, терпеливо его караулил, ковыряя ножиком старый прохудившийся мешок.

— А ну, не балуй! — подьячий отобрал у крестника мешок и аккуратно повесил на торчащий из стены крюк. — Да говори, что стряслось? Только толково и кратко, без обиняков.

Фимка спрятал ножик в карман, шмыгнул в избу за хозяином и зачем-то оглянулся, словно хотел убедиться, что их никто не видел, и прикрыл за собой дверь.

Глава 4. Что рассказал Фимка?

Не успел Степан Петрович присесть, как Фимка торопливо затараторил, мешая привычные слова с теми, что были знакомы только ему одному.

— Давеча, колочу по Никитской, — начал Фимка, — а на встречу три возгривика: Васька Кисляк да двойники Петька Карандыш и Никитка Изгебеня. Скачут да зубы точат. Белебенят о чужаках — парне и девке, коих углядели на одворице у Сеньки Поповых.

Крестник замолчал. Плеснул в кружку кваса, сделал жадный глоток и продолжил.

— Я того Изгебеню поймал. Говорю — врѣшь. А он божиться — дескать, сам видал. Наряжены не по нашему. Яко немцы. Девка стрижена и в одной нательнице. Бойка да баска. А парень хоть и користый, но кулёма. Верхница как у лохмотника.

— Может им привиделось? — усомнился подьячий. — По малолетству или малоумству. Фимка замотал головой.

— Не-е! Никитка — право, малоумок. Голова мякиной набита. Ты, дядя Степан, слушай, чѣ дальше было.

Крестник заправил рубаху за пояс и приосанился. Намекая, что сейчас начнѣтся самое интересное.

— Чую, гребтит на сердце. Надо самому спознать, откель у Сеньки чужаки? Дабы опосля не обабенькиваться.

Фимка бросил взгляд на крѣстного, ожидая, что тот в знак согласия кивнѣт, но подьячий слушал молча, даже отстранѣнно. Крестник почесал за ухом и продолжил рассказ.

— Отпустил я возгривиков и побѣг к Сеньке. Притѣк. Нашѣл дыру в заплоте. Затихарился и гляжу. Посреди двора у борондука стоит лохань, а над ней девка. Без платка. Висы стрижены. В одной исподнице. И впрямь — хорошава! А над ней, как над тютиным яичком, парень с кунганом. Весь такой опередчивый. Словно та девка его бажѣная прокудница. Возгривики хоть и ветродуи, но подсекли верно! Истинно, немцы! Вот те крест!

Фимка осенил себя крестным знамением, но это подьячего не убедило.

— Что ж они по-немецки балакали?

— Не слыхал, — стушевался крестник.

— Так надо было подождать и послушать.

— Знамо дело, надо! — воскликнул крестник и в сердцах махнул рукой. — Да тут из горницы вышла Ксения, Сенькина жена, и как глянет в мою сторону! Я отпрянул да рожей о заплот. Вот! Нос занозил. Глянь!

Фимка наклонился и ткнул пальцем в нос. Подьячего обдало запахом капустных пирогов. Степан Петрович задержал дыхание и отстранил крестника рукой.

— Ну, и... Дальше что было?

— А вот чѣ! — Фимка потѣр распухший нос. — Рачитель ейный услышал шум и к заплоту пошѣл. Ну, я и думаю, как бы не словить глухарей! Гляжу, теребун сидит. Я его под заплот сунул, а сам давай тикать! Прямо сквозь кусты. Как ушан. Давно так не тикал. До сих пор сердце заливаается.

— Ну, и... — повторил вопрос подьячий. — Теперь-то с чем пожаловал?

Крестник пожал плечами.

— Коли не валандаться, можно ту хорошаву с еѣ рачителем поймать и к воеводе свести. Вместе с Сенькой. Пушай растолкует, откуда у него на одворице чужаки? Дело-то Государево!

Фимка надул губы и для пушей убедительности ткнул пальцем вверх.

— Ну, раз Государево... — протяжно, то ли в шутку, то ли всерьѣз произнѣс подьячий.

Рязанцев разгладил бороду, посмотрел на гостя и улыбнулся.

— Ох, Ефим! Вижу, глянулась тебе та хорошава!

Крестник возмущённо фыркнул.

— А если и глянулась, — его лицо слегка зарделось, — так я в мнихи не собираюсь. Да и ты, Степан Петрович, знамо, тоже не чернец.

Фимка кивнул в сторону сеней, где Анфиса ходила туда-сюда и скрипела половицами. Но подъячего подобными намёками было не пронять. Он уже давно не обращал на них внимания. Однако и потакать наглецу тоже не хотел и потому, слегка насупившись, отрезал:

— А это не твоё, Ефим, дело. Не плюй в колодец, пригодится воды напиться.

Что было сущей правдой. Подъячий уже не раз выручал крестника из историй, которые другому ни за что не сошли бы с рук. Например, когда в прошлом году тот, служа в Земской избе целовальником, в купчей вместо Полой написал Полон и этой опиской чуть было не лишил хлыновца Ивана Зяблицева всех его владений.

Поэтому сегодня, слушая Фимкину болтовню, Степан Петрович всё время прикидывал, о чём на этот раз тот приврал? Ради красного словца или очередной хитрости, на которые крестник был горазд как никто другой. Да так складно и убедительно, что уже вскоре сам же верил своему же вранью.

Что же на самом деле произошло?

Глава 5. Что было на самом деле?

Нелюбины жили на Никитской, которая бурным весенним ручьём сбегала с городского холма к одноимённой башне в изголовье Копанского оврага. Чтобы затем заглянуть краем глаза в пригородную слободку, влиться в Казанский тракт и затеряться за непроходимыми лесами.

Двор Ганки Нелюбина стоял под горой, прилепившись к южной стене Посада. Возле Епихова ключа, где в прежние времена была кузня Епифана Федявина. Тогда Фимка был ещё мальцом и кузни не помнил. Как и самого Епифана. Брата которого Герасима Федявина за его очестливость посадские люди не раз выбирали целовальником. Отчего тот близко сошёлся с Фимкиным отцом Геннадием Нелюбымым, также служившим в Земской избе. Соседи хорошо ладили и считали друг друга почти роднёй.

Всё это осталось в прошлом. Старшие Федявины скончались. Сыновья Харитон и Павел давно обзавелись своими семьями и съехали с отцова двора, который после смерти владельца был отдан под городовую стену. Год назад преставился и Фимкин отец, перед кончиной упрямив Земского старосту принять сына на родительское место. До выборов нового целовальника.

Казалось, с таким наследством живи и не тужи. Служи и старайся оправдать доверие. Только отцово усердие сыну не передалось. Ефим своим служением тяготился. Особенно тем, что целовальников не назначали, а избирали. Отчего трудиться надо было исправно и всем улыбаться. Иначе на следующий год посадские поднесут крест другому. Другое дело — Государевы люди: воевода, дьяк или подьячий, которые на то и поставлены, чтобы земщина не возносилась. «Вот за кем будущее!» — думал Ефим и уже давно искал повод обратить на себя внимание воеводы.

Проходя мимо торгового двора, Ефим заметил, что за ним увязались три «возгририка» — худосочный Васька Кисляк, малорослый Петька Карандыш и Никитка Изгубеня, который в отличие от своего близнеца не мог и малое время простоять, не кривляясь. Мальчишки прыгали, корчили рожи и задиристо кричали «Фимка Великий! Фимка Великий! Фимка Великий!». Никто уже не помнил, когда к Ефиму Нелюбину приклеилось это прозвище. Впрочем, не без его участия. Поскольку тот не вышел ни ростом, ни талантами. За исключение одного — считать себя лучше других. Хотя талантом это вряд ли назовёшь.

Как маленькая собачка редко кусает открыто, но чаще исподтишка, также и Ефим не спешил разделаться с обидчиками. Будучи уверен, что хотя бы один из них обязательно допрыгается, и не просчитался. Проходя мимо Покровской церкви, целовальник остановился, перекрестился и, как только один из мальцов оказался поблизости, схватил за шиворот и прижал к себе.

Никитка, а это был он, перестал корчить рожи и начал извиваться как уж, пытаясь освободиться. Но тщетно. Хватка у Нелюбина была железной.

— А ну, отвечай! О каких чужаках вы балакали?

Изгубеня на мгновение остолбенел, а затем выкрикнул первое, что пришло в голову:

— Это все Петруха! Его и спроси!

Арестант кивнул в сторону брата, который от страха присел и оттого стал ещё меньше ростом.

— И что тот набаял?

— Сказал, видел двух чужаков, парня и девку.

— И каковы они?

— На вид немцы или бусурмане, а девка, хоть и срамно одета, больно баска!

— А парень? Тоже баский?

— Не-а! — Никитка сплюнул на землю. — Кулёма!

— И когда Петруха видел чужаков?

— Даве.

— Точнее!

Фимка с силой сжал плечо арестанта. Так что тот заскулил, и на глазах выступили слёзы.

— Прошлой ночью.

— Где?

— У Сеньки Поповых.

— И что он там делал?

— Откуда я знаю?

Ефим снова сжал плечо мальчишки.

— Ну, ладно! Ладно! — скорчился тот от боли. — Петруха за яйцами лазил и в окна зырил.

— Поди, вместе яйца тырили?

— Не-а! Я за заплотом стоял! Ей Богу!

Изгубеня коряво перекрестился, ловко вывернулся и вырвался из рук целовальника. Отскочив на несколько шагов, сорванец выкрикнул что-то обидное и пустился бежать. Но Ефиму было уже не до него. Он давно искал случая, который заставил бы воеводу обратить на него внимание. И вот, наконец, повезло! Поскольку по законам Московского царства свободно шастать по нему иностранцы не могли. А эти двое, похоже, заявили в Хлынов без разрешения, и тому, кто их изловит, полагалась награда. Конечно, если «возгривики» не набрехали лишнего. «Потому, — думал Фимка, — хорошо бы проверить, как тех „немцев“ занесло на Посад, и что они делают на Сенькином дворе?».

Войдя через Спасские ворота в Кремль, целовальник повернул не к Земской избе, где уже давно должен был появиться, а к Богоявленской башне, возле которой сквозь зелень листвы виднелся двор Поповых. «Щас узнаем, кого ты прячешь!» — шептал Фимка, пробираясь вдоль забора в надежде найти хоть какую-то лазейку и, когда одна из досок отошла в сторону, осторожно заглянул в проём.

Прямо перед ним, в нескольких шагах, стояли парень и девушка. Парень держал в руке полотенце, а девушка, склонившись над деревянной шайкой, умывалась. Целовальник отпрянул, прислонился к нагретым солнцем доскам и перевёл дыхание. Быть замеченным в его планы не входило. Тем более в столь двусмысленной ситуации. Однако любопытство взяло верх, и Фимка снова прильнул к щели.

Девушка выпрямилась и встряхнула волосами, рассыпав сотни солнечных брызг. Несколько капель попали на лицо Ефима, заставив зажмуриться. Из-за чего не только незнакомка, но вся картина показалась нереальной и даже немного волшебной. Парень протянул девушке полотенце и улыбнулся. Она также ответила улыбкой. Той самой, которой целовальнику ещё никто не улыбался.

Фимка сразу почувствовал к незнакомцу неприязнь и стиснул кулаки. Значит, не наврали «возгривики»! Так и было! В самом центре Хлынова, в Кремле, миловались иноземцы, а воевода об этом ничего не знал. Ну, так узнает! Как после такого не обратить на него внимание?

Размечтавшись, Ефим напрочь забыл о своём укрытии и очнулся лишь, когда увидел, что на крыльце дома стоит Ксения, Сенькина жена, и смотрит на дыру в заборе, из которой торчит нос целовальника. Пытаясь понять, кого принесла нелёгкая. Засада была раскрыта. Фимка отпрянул назад и едва не вскрикнул от боли. В нос впиалась здоровенная щепка, и трава окрасилась каплями крови. Надо были тикать и по возможности замести следы. Разведчик оглянулся по сторонам. Не видел ли кто? Вроде никого. Пронесло! Только на бегущей вдоль забора тропинке сидел невесть откуда взявшийся кролик. Фимка схватил колика, сунул под забор и легонько подтолкнул рукой. Дескать, я тут не причём. Это всё ушан!

Послышались шаги. Не дожидаясь пока его, как кролика, за уши вытащат на свет Божий, целовальник вскочил и пустился наутёк. Сначала к Приказной избе, но о затем передумал и

свернул на Посад, чтобы рассказать о своём открытии крёстному и убедить его не ждать у моря погоды, но изловить незнакомцев и свести к воеводе. Пока те не оставили их с носом. Как никак, Государево дело!

Глава 6. На высоком берегу

— А что? — подумал Степан Петрович. — В самом деле, почему бы не потрафить воеводе, а заодно и всем посадским?

Подьячий знал, что хлыновцы испокон века чётко делили людей на своих и чужих. К своим были приветливы и участливы. В случае нужды могли приютить, накормить и отдать последнюю рубашку. Охотно с ними заговаривали и могли проболтать до утра. Смеялись и шутили. Щедро сыпали своими, порой забавными словечками. Окали и цокали. Как с писаной торбой носились со своим говором. Подозрительно глядя на тех, кто говорит иначе.

Чужаков же не любили. Считали их, едва ли не всех поголовно, врагами и татями. Заговаривали с ними редко и, увидев, переходили на другую сторону улицы. Смотрели хмуро, сердито, исподлобья. На всех — от калик перехожих до воеводы и архиерея. Ворчали: «Нам Москва не указ. Мы сами с усами!».

Но хуже всего относились к тем землякам, которые волей судеб перебрались в соседние края или столицу. Считали их перебежчиками и долго перемывали им кости. Пока те не начнут извиняться и лебезить. Превознося свою малую родину до небес и так пытаясь заслужить прощение своих земляков. Хотя в настоящем Раю никаких «чужих» нет, но все — свои, близкие и родные.

Понимал ли это Степан Петрович? Пытался ли преодолеть эту горькую и почти неизбежную ограниченность провинциальной жизни, о которой затем классики напишут не один роман? Вряд ли. А зачем? Если вся жизнь подьячего заключалась в охране того маленького и уютного мирка, который за годы службы ему удалось приметить и пометить, отвоевать и отжать, застолбить за собой и захватить. Защитить от тех, кто шёл следом или рыскал вокруг, чтобы скинуть его с коня, втоптать в грязь, а самому занять его место. Занять его высокий берег.

Вот и сейчас, слушая болтовню крестника, Рязанцев думал надвое. С одной стороны, незнакомцы могли оказаться Сенькиной роднёй. Тогда, если довериться Фимке и арестовать незнакомцев, над ним будет потешаться весь посад. С другой стороны, в Государевом деле всегда лучше перебдеть, чем недобдеть. Если же незнакомцы — в самом деле бусурмане или, хуже того, немцы и Степан Петрович их упустит, то первым, кто на него донесёт, будет сам Фимка. Уже давно мечтавший влезть на берег подьячего и с его высоты поплёвывать на остальных.

Степан Петрович хлопнул ладонями по коленям, встал и громко, так, чтобы могла услышать Анфиса, прикрикнул:

— Кафтан мне! До побыстрей! А ты, — он бросил взгляд на крестника, — дуй в Приказ и скажи голове, чтобы он дал мне двух стрельцов. А, как скажешь, жди! Пойдешь с нами. Да больше ни с кем не болтай! Ясно?

Фимка довольно крякнул, схватил со стола старую, потёртую тафью и исчез за дверью. Едва не столкнувшись в сенях с Анфисой, которая на ходу чистила хозяйский кафтан.

— Ну, что, Сенька! — Рязанцев нетерпеливо вырвал кафтан из рук Анфисы. — Пойдём, поглядим на твоих немцев! — и добавил. — Для профилактики.

Глава 7. За дверью

На крыльце послышались шаги. Раздались голоса и тут же стихли, перешли на шёпот. Стараясь не скрипеть половицами, Сашка подошёл к двери и прислушался.

— Смотрите! Не заперто! — удивился Мишка.

— Прикольно! — поддержал Димка. — Я же говорил, что там можно спрятаться. Фиг найдёшь!

Димка потянулся к дверной ручке, но Эдик его остановил:

— Погоди!

— Чё погоди?

— Да ничё! — отрезал Эдик. — Мы туда зайдём, а они как выскочат! Например, вон из того подъезда.

Эдик махнул в сторону девятиэтажки, но Димка сдаваться не хотел.

— Чё нам теперь тут до утра торчать? Меня предки на ужин ждут.

— В самом деле! — встрял Мишка. — Скоро «Мушкетёров» будут показывать.

— Так ведь ты их уже смотрел!

— Ну, и чё? Мне нравится.

— А по-моему фигня какая-то.

— Сам ты фигня!

— Чё ты сказал?

Половицы снова заскрипели. Эдик надвинулся на Димку, но тот даже не моргнул. Друзья давно знали друга друга и понимали, что этим всё и закончится.

— Да ладно вам! — снова встрял Мишка. — Чё делать-то будем? Реально хочется кино посмотреть.

За дверью воцарилась тишина. Сашка уже насиделся в полумраке и надыхался всем, чем пахнет старый и затхлый дом, из которого давно ушла жизнь. К тому же ему тоже нравился фильм про мушкетёров и ещё очень хотелось поужинать.

Утром всей семьёй они лепили пельмени. Что случалось нечасто, лишь когда у отца выдавался выходной. Наконец, работа была закончена, и Сашка уже представлял себе, как пельмени будут кувыркаться в кипящей воде. Вместе с лавровым листом и парой горошин черного перца. Но тут раздался звонок. Отец снял трубку. Сначала внимательно слушал и молчал. Затем кратко и серьёзно, как телеграф, произнёс: «Да, конечно. Будем. С Ниной. Нет. Пусть останется дома. Сколько? Двенадцать. Да. Большой уже. Как-нибудь потом. До встречи».

Пельмени отправились в морозилку. Родители оделись, вызвали такси, попрощались с Сашкой и сказали, что вернутся завтра, а «ты расти большой, не будь лапшой, пельмени в холодильнике» и уехали. Чему, надо признаться, Сашка был даже рад. Поскольку теперь на целых 24 часа квартира была в его распоряжении.

Сашка уже собрался залезть с ногами на родительскую кровать, взять с полки и начать листать толстенную «Историю искусств» с картинками, от которых у любого подростка сердце начинало стучать как поршень в моторе. Но тут раздался звонок. Сашка думал, что отец вернулся забрать что-то из вещей. Но это был не отец, а Мишка со словами: «Пойдём! Покажем задавале из Москвы, как надо в прятки играть!».

Они пошли и так оказались по разные стороны двери, за которой теперь было подозрительно тихо. Может охотники ушли? Сашка прижался щекой к облупившейся краске и задержал дыхание, чтобы лучше слышать голоса, но вместо этого услышал чьё-то сопение. Там, с другой стороны, кто-то также стоял и молчал. Пытаясь уловить малейший шум или движение. Видимо, ему тоже не хотелось без особой нужды лезть в старый дом. Рискуя встретиться с

привидениями или мышами, напороться на липкую паутину или ржавый гвоздь и затем провести остаток лета в постели.

Сопение за дверью стихло. Скрипнули половицы. Стоявший за дверью человек спустился с крыльца и голосом Эдика произнёс:

— Есть идея...

Сказано это было вполголоса, шепотом, но Сашка всё равно услышал и, почти слившись с дверью, весь превратился в одно большое ухо, ловя каждый звук.

— Чё мы суетимся, как... — Эдик для пущей убедительности добавил крепкое словцо. — Ну, раз они хотят там сидеть, пусть сидят и дальше. Хоть до утра! А мы посмотрим, кто из них более крутой — Сашка или москвич? Уже реально «Мушкетёры» начались. Чё думаешь, Миш?

Сашка напряг слух. Как-никак с Мишкой они считались закадычными друзьями. Потому решающее слово было за ним. И, видимо, чтобы укрепить Мишкин дух, Эдик добавил:

— Только я в эту развалину по любому не полезу.

— Я тоже, — вставил Димка. — На фиг надо! А ты, если хочешь, вперёд! Только скорее, а то через полчаса вообще ничего не увидишь.

До ночи было ещё далеко. Сумерки медлили и ложились на кварталы воробьиными шагами. Но в приземистом доме, окружённом многоэтажками и старыми тополями, даже в летний полдень царил полумрак.

Мишка ответил не сразу. Вопросом на вопрос. Словно ему по-прежнему что-то не давало покоя.

— Тогда по домам?

— Знамо дело! — не выдержал Димка. — Если они, в самом деле, крутые, пусть друг друга пересидят. А я домой! А то у меня скоро мочевого пузыря лопнет.

— Смотри, не забрызгай!

Эдик брезгливо ослабился и сделал шаг в сторону. Словно в самом деле боялся испачкаться. Но бедолаге было не до шуток. Видимо, в самом деле, припекло. Ударив товарищей по рукам и чуть подпрыгивая, Димка засеменил к своему подъезду. Смешно, но так решительно, что друзьям не оставалось ничего другого, как тоже ударить по рукам и разойтись. Точнее разбежаться. Чтобы успеть к началу фильма про мушкетёров или хотя бы к припеву песни, которую уже целый год, по поводу и без, напевал целый двор:

*Пора, пора, порадуемся
На своём веку
Красавице и кубку,
Счастливому клинку.
Пока, пока, покачивая
Перьями на шляпах,
Судьбе не раз шепнём:
Мерси боку!*

Глава 8. Мишка

— Ма! Он не просыпается. Буди его сама. Я в художку!

— Разве занятия уже начались?

Вопрос прозвучал издали, с кухни и остался без ответа. В прихожей послышались шаги. Хлопнула входная дверь. Суетливо, звеня брелком, заворочался ключ. На площадке за стеной раздался девичий смех и смешался с мужским голосом. По лестнице весело сбежали двое. Куда? Куда угодно, но только не в художественное училище, занятия в котором должны были начаться только через неделю. О чём Евгения Михайловна, конечно, знала. Как и том, что, когда твоей дочери семнадцать лет, лишних вопросов лучше не задавать. В крайнем случае обо всём можно узнать у сына, который был в курсе всех приключений старшей сестры и не всегда понимал, о чём можно рассказать матери, а о чём лучше умолчать.

Мишка бросил взгляд на висевшие на стене новенькие электронные часы, которые отец привёз из какой-то очень ответственной, заграничной командировки. Как будто слетал не на другой конец земли, а в будущее, которое там уже наступило. Часы показывали половину одиннадцатого. Под ними, приветом из прошлого, белел отрывной календарь с милым, добродушным медвежонком, символом Московской олимпиады, и вчерашней датой 24 августа 1980 года.

— Проснулся?

На этот раз голос матери прозвучал ближе, в соседней комнате. Евгения Михайловна никогда не сидела без дела. Поэтому Мишка не удивился, когда она показалась в дверном проёме, держа кувшин, из которого обычно поливала цветы.

— Отец поехал в гараж. За машиной. Как вернётся, поедем в сад.

«Опять в сад!» — недовольно подумал Мишка, которого поездки в сад не радовали. И, хотя ничего не сказал, но всё же выдал себя выражением лица. Евгения Михайловна переложила кувшин из руки в руку и твёрдо заключила:

— Да, в сад! Картошка сама себя не окучит. Так что вставай и приходи завтракать. Всё на столе.

Мишка отбросил одеяло, сел в постели, протянул руку к календарю, сорвал устаревший листок и прочитал: «Восход солнца 4:22. Заход 19:04. Длина дня 14 часов 42 минуты». И тут почему-то вспомнил о Сашке, которого вчера они так и не нашли.

— Ма! Сашка не заходил?

— Нет! Не заходил, — раздалось уже из коридора.

Мишка сунул ноги в тапки, как минимум на три размера больше, и засеменял в ванную комнату. Стараясь в пути ничего не потерять и не споткнуться.

— Опять не свои надел! Отец утром обыскался, а они вот где! — не удержалась мать.

Мишка сделал несколько глотков из-под крана, для вида брызнул водой в лицо и потёр глаза костяшками пальцев. Схватил с вешалки полотенце, ткнулся в него и снова накиннул на крючок.

— Ты когда увеличитель уберёшь? — не отрываясь от плиты, спросила мать.

— Завтра! — выпалил Мишка, шагнул в дверь и неожиданно наткнулся на отца, который только что вернулся домой.

— Алёша, скажи ему! — Евгения Михайловна, пристав на цыпочки, выглянула из-за отцовского плеча. — Мне стирать надо, а тут...

Отец насупил брови и бросил взгляд. Сначала, на сына, затем на увеличитель, занимавший треть ванной комнаты. После чего ткнул пальцем в конец коридора, где во встроенном шкафу обычно хранились Мишкины прибабасы. Ни сказав ни слова. Однако и так всё было понятно. Мишка вздохнул, обнял увеличитель, прижал к себе, оторвал от перекинутой через

ванну доски, вынес в коридор, повернул за угол и пропал из вида. И верно — любишь кататься, люби и саночки возить!

Кататься Мишке тоже нравилось. Однако с тех пор, как они с Сашкой заболели фотографией, санки были забыты. Впрочем, как и все остальные шалости. Как только они не проказничали! Однажды подожгли почтовый ящик. В своём подъезде. Рядом с Мишкиным, полным газет. Зачем? Просто хотелось посмотреть как тот будет гореть. В другой раз бросили в унитаз просроченную пачку дрожжей. После чего в музее, этажом ниже, случилось самое настоящее извержение вулкана, устранять последствия которого пришлось не один день. Но главное — опытным путём было доказано, что срок хранения дрожжей не имеет значения.

Именно после этого случая отец купил Мишке увеличитель. Решив направить неуёмную энергию друзей в нужное русло. Как в воду глядел. Все прежние увлечения были забыты. Впрочем, как и уроки. Друзья сутками слонялись по городу и фотографировали всё подряд, а затем, закрывшись в ванной комнате, печатали снимки, которые затем ещё несколько дней болтались на длинных верёвках, натянутых для сушки белья. Напоминая стайку воробьёв, что случайно залетели в квартиру да так и остались перезимовать. Что нравилось, конечно, не всем. Точнее, не нравилось никому, кроме самих друзей. Однако, помня об их проделках, родные старались это перетерпеть.

Вот и сейчас отец не стал устраивать разнос, а лишь попросил сына навести порядок. И, когда тот вернулся на кухню, огорошил новостью. Оказывается, старый дом во дворе ещё утром начали разбирать, и потому поездка в сад отменяется. Так как объявлен субботник, на который жильцы должны явиться со своим инвентарём. А то, что сегодня не суббота, а понедельник, и отец в отпуске, никого не волнует. Надо, так надо! Мишке же даётся ответственное поручение — сгонять в хозяйственный магазин за лопатой. Пока их там не разобрали. На самом же субботнике ему делать нечего.

— Так, мать?

Отец, рассчитывая на одобрение, посмотрел на супругу, но та лишь развела руками. Дескать, сам решил, сам и отвечай.

Зато Мишка новости был несказанно рад. Ненавистная картошка в очередной раз, как говорил отец, «накрылась медным тазом», и теперь почти весь день был в его распоряжении. Мишка уже строил планы, как нынешним вечером они с Сашкой, наконец, осуществят старую мечту и вдоволь запасутся цветной проволокой, из которой можно наделать не один десяток солдатиков. Для чего в заборе «Кировэнерго» уже была проделана дыра. Прямо напротив баков с той самой проволокой. Осталось лишь в них нырнуть и вынырнуть. Пока товарищ отвлекает сторожа разговорами.

Так или иначе всё складывалось как нельзя лучше. Если не считать похода в магазин за лопатой. «Фигня! За час управлюсь», — думал Мишка, ещё не зная, как круто этот день перевернёт всю жизнь.

Глава 9. Театралка

Мишка перекусил, на ходу натянул трико, набросил на плечи рубашку, сунул ноги в новенькие кроссовки — подарок отца на день рождения, схватил с тумбочки мятую «трёшку» и выскочил из дома. Так быстро, что Евгения Михайловна даже не успела крикнуть ему вслед «зубы почисти!». С чего обычно начинался каждый день.

Сбежав по лестнице на пролёт вниз, Мишка остановился, о чём-то задумался, развернулся и, шагая через ступеньку, взлетел на два этажа вверх, встал перед дверью с двумя шестёрками и нажал на кнопку звонка. Сначала один раз, кратко и уважительно. Затем, когда никто не открыл, дважды и уже более требовательно. Результат был тот же.

Мишка посмотрел на номер. Может он перепутал? Нет. Всё верно. Две шестёрки. Сашкина квартира. Он припал ухом к двери и прислушался. Тишина. Никого! За дверью раздался телефонный звонок. Один. Второй. Третий. Четвёртый. Пятый. Но никто так и не подошёл к аппарату. Звонки прекратились.

«Всё ясно. Дома никого нет. Родители на работе, а Сашка, должно быть, во дворе или ушёл в магазин. Интересно в какой? Если в физприборовский, там и встретимся», — решил Мишка и довольный своей находчивостью понёсся, также через ступеньку, по лестнице вниз. С четвёртого этажа на первый. Привычно толкнул дверь, выскочил на улицу и оглядел двор.

Сашки нигде не было. Малышня привычно возилась в песочнице. Горбун Игорь из 68-ой квартиры колдовал над своим гоночным велосипедом, предметом зависти всех пацанов во дворе. Валерка с 5-го этажа лениво пинал мячик и бросал взгляды на сидевшую на качелях Оксанку, которая была ещё слишком мала, чтобы что-то в этом понимать.

В глубине двора среди сросшихся кронами тополей виднелся старый дом. Рядом с ним, опустив ковш на землю, стоял бульдозер. Дверь в кабину была открыта. В ней никого не было. Приглядевшись, Мишка заметил, что крыша дома накренилась. Видимо, тракторист ткнул ковшом в угол дома, чтобы выбить брёвна из венца. Так проще было зацепить их баграми и раскатать. Но дальше дело не пошло. Рабочие ушли на обед.

Мишка ещё раз скользнул взглядом по двору, завернул за угол дома и бодро зашагал по улице с горки вниз. Надеясь застать Сашку в магазине. Но не сбылось. Пришлось отправиться на поиски лопаты одному, а это было непросто. Поскольку лопаты продавали только в хозяйственных магазинах, а в районе Театральной площади такого магазина не было. Почему? Потому что, как говорили в старину, «ни по чину». Впрочем, стоит пояснить.

Когда-то, очень давно, этот район был городской окраиной. Точнее пригородной слободкой, выросшей вокруг церкви Всех святых, которая в Петровские времена вошла в городскую черту и со временем обзавелась добротными домами, земской больницей, женской гимназией, пожарной каланчой, парой богаделен, водопроводом, театром и даже собственной электростанцией. Однако, несмотря на все эти перемены, так и осталась окраиной.

Вплоть до сталинских времён, когда город был в очередной раз переименован. На этот раз в честь личного друга вождя. После чего было решено его кардинально перестроить, создать новую главную площадь и превратить её в витрину советской власти. При одном взгляде на которую горожанам захотелось бы забыть о «проклятом царском прошлом» и ровными рядами дружно зашагать в «светлое коммунистическое будущее».

Место под новую площадь было отведено на вершине главного городского холма. Рядом со Всесвятской слободкой. Чем ей был подписан смертный приговор. Первым делом строители снесли церковь и с ней несколько кварталов, чтобы на их месте возвести здание Дома Советов. Огромное и монументальное. Всем своим видом внушавшее мысль о величии государства, которое впервые в истории взялось за небывалую задачу — создать новый, более совершенный мир, где все люди будут братьями и сестрами. Под стать этой махине должны были стать и

другие здания. Высокими и помпезными, в разы превосходящими всё в старом городе, где дом в три этажа считался диковинкой, и губернаторы порой десятилетиями жили на съёмных квартирах.

Работы растянулись на долгих тридцать лет, в течение которых на площади появились партийная школа и политехнический институт, образцовый жилой дом и такая же образцовая средняя школа, книжный магазин с россыпями правильных книг и магазин подарков, которых в ином месте днём с огнём было не найти. Художественный музей, театр и перед ним уютный сквер с музыкальным фонтаном, полюбоваться которым приезжали издалека.

И всё же «вишенкой на торте», благодаря которой главная площадь обрела законченный вид, стал вовсе не фонтан, а новый памятник Ленину. Не гипсовый и типовой, а оригинальный, мраморный, несокрушимый, рассчитанный на века. Перед которым дважды в год — 1 мая и 7 ноября — шумели парады и демонстрации, реяли красные знамёна, звучали громкие речи и лозунги, которые в прежние времена называли бы «верноподданническими». Однако нынче произносить это слово было нельзя. Оно навсегда осталось в прошлом. Вместе со старой слободкой, церковью всех Святых и другими храмами. Взорванными, обезглавленными, искорёженными, пошедшими под нож бульдозера. Во имя того удивительного, нового мира, где, как мечталось, «кто был ничем, тот станет всем».

Всё это время город рос как на дрожжах, каждый год прирастая тысячами новых жителей, которым новая площадь всем своим видом говорила: «И ты также сможешь работать в Доме Советов, жить в образцовой квартире, покупать подарки в элитном магазине, читать правильные книги, посещать лучшие выставки и спектакли, отдыхать в сквере у музыкального фонтана. Твои дети окончат образцовую школу и институт, получат хорошую должность, достойную зарплату и повторят твою судьбу. Только ни в чем не сомневайся, будь верен, поступай правильно и не задавай лишних вопросов».

Впрочем, в этих наставлениях не было необходимости. Ведь, чтобы огурец стал солёным, речи не нужны. Достаточно просто поместить его в рассол. Как это и случилось с нашими друзьями, которые с детства жили в образцовом доме, играли в образцовом дворе, учились в образцовой школе, были образцовыми пионерами, никогда не задавали лишних вопросов и знали, что никаких лопат в образцовом квартале не продают. Если только те не являются точной копией лопаты Ильича. Поскольку же о такой ничего неизвестно, придётся ехать за лопатой на окраину, в один из рабочих кварталов. А это как минимум час туда-сюда. Да и то не факт, что её удастся купить.

Увидев, что с горки спускается автобус, Мишка прибавил шаг, а затем и вовсе, что было сил, побежал к остановке. И правильно сделал, потому что водитель не стал никого дожидаться, и прыгать в автобус пришлось на ходу. Придержав двери руками, чтобы те невзначай чего-нибудь не прищемили. Впрочем, не в первый раз и без обид. Ведь тот новый мир, о котором было написано столько лозунгов и книг, сложено столько маршей и песен, так и не наступил. В нём по-прежнему уважали и ждали только своих. Чужаков это не касалось. Тем более какого-то пацана.

Глава 10. Тысяча мелочей

Спустя двадцать минут Мишка стоял у дверей магазина с многообещающим названием «Тысяча мелочей», держал в руке новенькую лопату и прикидывал, как лучше добраться домой — снова поехать на автобусе или пойти пешком и так сэкономить пять копеек? Переложив лопату из руки в руку, он уже подумал, что вряд ли стоит ради столь ничтожной выгоды целый час топтать по городу, как вдруг услышал:

— Эй, пацан! Ты откуда?

Перед ним стояли трое, и все были его старше. Минимум на три или четыре года. Старшеклассники или учащиеся ПТУ. Судя по лицам, скорее второе.

— Ты чё? Глухой? — Самый рослый из парней, на щеках которого пробивалась щетина, ухмыльнулся. — Спрашиваю, ты откуда?

Мишка ощутил, как перехватило горло, и закашлялся.

— Из Кирова.

Парень смерил его взглядом и хмыкнул.

— Ясен пень! Я спрашиваю, в Кирове откуда? С Филейки, Сорокового или может из Центра?

Услышав названия городских районов, которые часто были не в ладу, Мишка, наконец, понял, чего от него хотят. Но это было слабым утешением. Поскольку, кто из районов с кем сегодня дружит или, наоборот, враждует, этого он не знал, и поэтому сказал, как есть.

— Из Центра.

— Так я и думал! — парень снова бросил взгляд на кроссовки. — А на Автобане чё делаешь?

— Да вот...

Мишка кивнул на лопату.

— Чё у вас в Центре лопат нет? — высоким, почти девчачьим голосом спросил второй парень и смачно плюнул на асфальт, Мишке под ноги.

— Так они же там все на-чаль-ни-ки! — прогнусавил третий пацан.

— А мы им по чайнику! — закончил второй и, сжав пальцы левой руки в кулак, выразительно хлопнул им по правой ладони.

«Левша! Значит, бить будет слева», — пронеслось в голове. Мишка перехватил лопату, словно прикидывая, надо ли пускать её в ход или лучше сдать, чтобы затем не прилетело той же лопатой. Поймав его взгляд, тот, что был самым рослым и, видимо, главным, улыбнулся.

— Не бзди! Мы мелких не трогаем.

Парень вразвалочку подошёл к Мишке и похлопал его по плечу. Вроде дружелюбно, но при этом всерьёз, чтобы тот ощутил тяжесть руки. Затем взялся за черенок лопаты и рванул к себе. Лопата выскользнула и грохнулась на асфальт. Парень прижал черенок ногой и перекинулся взглядом с товарищами.

— Я же сказал — мы мелких не трогаем, — повторил он. — Вот только не пойму, откуда у тебя мои кроссовки?

Мишка недоуменно посмотрел на свои ноги. Как будто в самом деле хотел убедиться, что ничего не перепутал.

— Это мои! Мне отец на день рождения подарил!

Парень носком ботинка откинул лопату в сторону.

— Ну, если мне не веришь, давай спросим у пацанов, — предложил он и, повернувшись к товарищам, которые, похоже, сами не ожидали такого поворота, спросил. — Это же мои кроссовки. Верно?

Друзья синхронно закивали головами.

— Ну, вот! Видишь! — заключил парень. — Или хочешь сказать, что мы врём? Мишка почувствовал, как в животе закололо, и к горлу подступила тошнота.

— Ты чё? Язык проглотил?

Рослый снова положил руку на Мишкино плечо, и он подумал, что тот ему сейчас врежет. Скорее всего, под дых. Но парень неожиданно ослабил хватку и улыбнулся.

— Да, ладно! Я сегодня добрый.

Парень бросил взгляд на дверь магазина, на которой уже успела появиться табличка «обед», наклонился к Мишке и негромко, чтобы могли услышать только товарищи, повторил:

— Я сегодня добрый и готов уступить тебе свои кроссовки. Но не бесплатно. Всосал?

Парень слегка сжал плечо.

— Сколько у тебя было? Трёшка?

Мишка кивнул.

— Значит, осталось сорок копеек?

— Тридцать пять, — уточнил Мишка, вспомнив про билет на автобус. — Мне бы ещё...

Но парень не дал договорить.

— Пешком дойдёшь! — он снова посмотрел по сторонам. — Деньги давай!

Мишка полез в карман, достал всё, что было, и начал считать, но парень ловко подставил свою ладонь, ссыпал монеты и сунул в карман. Словно ничего и не было, а, если кому-то что-то померещилось, то он не причём. Похоже, даже его товарищи не успели понять, что произошло.

Увидев, что один из прохожих всё же посотрел в их сторону, парень наклонился, поднял лопату, улыбнулся и прошептал:

— А теперь вали отсюда и помалкивай! — он протянул лопату Мишке. — Если кому скажешь, мы всем Автобанам придём и тебя найдём. Всосал?

Мишка кивнул, сбежал с крыльца магазина и зашагал вверх по улице Горького. Стараясь не оборачиваться и выглядеть как можно бодрее. Как будто не случилось ничего необычного. Словно так и должно было произойти. «А деньги? Деньги — это ерунда! — думал он. — Скажу, что купил лимонад и батон, проголодался и съел. Или проиграл в автоматы. Или потерял. Или...».

Вскоре у него уже было пять или шесть отмазок, одна другой убедительнее. Но ни одна из них не пригодилась. Когда он увидел, что в глубине двора, возле старого дома с окончатльно съехавшей крышей, стоит машина «скорой помощи». Рядом нервно курят рабочие. Сашкин отец что-то выговаривает бригадиру, а тот, словно нашкодивший школьник, молчит и разводит руками. Здесь же были Мишкины родители — отец о чем-то говорил с участковым, и тот всё внимательно записывал в свой блокнот, а Евгения Михайловна обнимала Сашкину маму. Словно пыталась укрыть от ветра или какой-то беды.

Мишка понял — случилось что-то страшное, в сравнении с чем история с лопатой была полной фигнёй. И при этом ко всему, что произошло, он каким-то образом причастен. Пусть не напрямую. Самую малость. Но, если бы не она, всё могло быть иначе. Если бы...

Глава 11. Свой мирок

Хлынов давно проснулся и уже всю жизнь привычной жизнью, в которой голоса людей причудливо перемешались с пением птиц, скрипом телег, ржанием лошадей, бабьими пересудами, вознёй ребятишек, звоном топоров, запахом прелой листвы и перестуком сапогов по высохшим мостовым.

Ещё неделю назад все разговоры были о дожде, которого хлыновцы не видели с конца июня. Но теперь они смолкли. Приблизилась страда и уборка хлебов. Горожане с тревогой глядели в небо и косились на каждую тучу, сколь мала она не была.

Также и Степан Петрович, шагнув за порог избы, первым делом, поднял голову и остался доволен. Небо не блажило и не бухмарилося. День выдался баской и ведрёный, солнечный и ясный.

Скрипнула дверь. Анфиса Тимофеевна вышла на крыльцо, чтобы проводить подъячего. Подошла со спины. Заботливо провела ладонью по плечам. Разгладила кафтан.

— Надолго, Стёпа?

— Тебе зачем?

Рязанцеву не нравилось, когда лезли в его дела.

— Да так. Ждать ли к обеду?

— Видно будет, — уклончиво ответил Степан Петрович и, внезапно повернувшись, обнял Анфису и привлёк к себе. — По любому к вечеру вернусь. А ты, как в горнице приберёшь, не забудь про опочивальню. Да окно открой, чтобы дух был свежий. Не как в прошлый раз!

— Это когда Беберя телегу с навозом перевернул?

Вспомнив о случае, который затем ещё долго был притчей во языцех, Анфиса прыснула от смеха, нехотя освободилась из объятий, поправила верхнюю и бросила на подъячего взгляд, против которого не устоял бы даже дубовый стол.

Степан Петрович прищурился и задумчиво провёл ладонью по бороде.

— А вот что, хорошава! — он нечасто баловал хозяйку такими словами. — Затопи-ка ты баньку.

— Баньку?

— Да с берёзовым веничком и холодным кваском.

— Где же его в такую жару взять? Ума не приложу! — растерялась Тимофеевна.

— А ты приложи! Вон какая ты у меня ладная да бажёная!

Степан Петрович снова притянул Анфису к себе и попытался обнять, но та ловко извернулась и, поймав руку подъячего, то ли в шутку, то ли всерьёз бросила:

— Ну, коли бажёная, так возьми в жёны. А то мне бабы прохода не дают. Сколь ещё твой Степан валандаться будет?

Подъячий посерьёзnel. Отступил назад, запахнул полы кафтана.

— А ты им скажи: не ваше, мол, собачье дело! А коли будут ещё зубы точить, я их в острог посажу.

— Да будет тебе, Степан Петрович! — отступилась Тимофеевна. — Бабы есть бабы. Что с них взять?

На том и расстались.

Рязанцев и сам не любил, когда кто-то начинал валандаться и мурыжить, откладывая дело. Но ещё больше не терпел, когда кто-то вторгался в его мир, который подъячий с таким трудом устроил. Не имея поддержки. Ни на кого не рассчитывая. Своими руками. Пусть он был не так богат и хорош, как мир воеводы или таможенного головы. Главное, этот мир был своим, понятным и уютным. Пускать в который с годами хотелось всё меньше. Даже Анфису,

с которой они сожительствовали уже пятый год. С тех пор, как она потеряла мужа, а подьячий жену. На том тогда и сошлись. Сначала делами, затем и телами. Вопреки всем злопыхателям и даже самому воеводе, который не раз призывал товарища остепениться.

Бывало, Степану Петровичу казалось, что пришла новая любовь. Но, вспомнив Любаву, он тут же гнал эту мысль и ещё глуше затворял двери своего мирка. Из-за чего Тимофеевна ходила опечаленной, не понимая, почему подьячий её не замечает. Словно решил окончить дни бобылём или чернецом.

Впрочем, последнее вряд ли. Поскольку попов подьячий не жаловал. Особенно тех, что лезли в его мирок, чтобы переделать на свой лад. В этом случае Степан Петрович ерихонился и ербезил, мичурился и скоромился дурными словами. Конечно, про себя. Впрочем, если те не отставали, мог и принародно послать. Зная, что такого никто не любит. Поскольку у каждого — свой мирок, и лезть в него — всё равно, что дразнить гусей.

Выйдя за калитку, Степан Петрович ещё раз оглядел дом и двор, с которыми ему, сколь бы важные дела не ждали, не хотелось прощаться. Отчего город и даже сама Государева служба показались настолько обрыдлыми, что подьячий тяжело вздохнул, хлопнул калиткой и раздраженно зашагал по пыльному переулку к Московской башне. Желая одного — скорее покончить с Фимкиными глупостями и вернуться домой, где его ждала Анфиса, бельё пахло свежестью, и в кладенце томился холодный квас. Где не было никаких начальников и советчиков, но он сам себе был воеводой и архиереем, и всё было родным и своим.

Глава 12. Главный интерес

Приказная изба находилась в Кремле, рядом с домом воеводы, с которым Степан Петрович был не просто знаком. Можно сказать, они были друзьями. Если только возможно дружить с Государевым слугой, который, если что случится, по любому выберет не тебя, а Государя. Сколько бы до этого вы вместе ни вытрясли податей, ни наловили рыбы, ни отхлестали друг друга в баньке вениками и ни выпили кваса.

Вот и сейчас, войдя в Кремль, подъячий не знал, согласится ли воевода дать стрельцов, и потому надеялся, что того в Приказе нет. Тогда пришлось бы напрямую говорить со стрелецким головой Никитой Афанасьевичем Козловым, который был ему многим обязан. В том числе тем, что в прошлом году, когда Михаил Воейков и Федор Прокофьев переписали Хлынов, именно Рязанцев уговорил переписчиков не заметить во дворе стрелецкого головы безымянную девицу, которую тот приютил якобы Христа ради. После чего девица понесла — от самого ли стрелецкого головы или кого-то из сыновей — не ясно и вскоре съехала в дальнюю деревеньку, а должок за головой остался.

Однако сегодня пользы от этого не было. Так как ещё издалека у ворот Приказной избы подъячий заметил ямщика Потапа, крутившегося возле колымаги воеводы. Значит, встречи было не избежать. Рязанцев поднялся на высокое крыльцо, расправил полы кафтана, снял шапку и шагнул за порог. Едва не столкнувшись с воеводой, который от неожиданности крикнул и замахал руками, будто на него налетел пчелиный рой.

— Здорово, Степан Петрович! Ты по делу или как?

Ещё спозаранку, глядя на то, как славно начинается день, думный дворянин Алексей Иванович Римский задумал выбраться на любимую Курью, небольшую речушку в пяти верстах от города и уже давно представлял себя, сидящим на берегу в тени дикой ивы и блаженном покое, которого в последнее время ему хотелось больше всего. И теперь, встретив подъячего, из последних сил надеялся, что никакого дела нет, и тот просто зашёл проведать товарища. Но надежды не сбылись. Степан Петрович деловито кивнул, и воеводе ничего не оставалось, как вернуться и выслушать гостя. Который, войдя в палату, прикрыл за собой дверь. Дав понять, что пришёл с чем-то важным, требующим доверительного разговора.

Помянув добрым словом Ганку Нелюбина, Рязанцев перешёл к утренней встрече с его сыном и попытался вкратце пересказать новость, которую принёс Фимка, но та, казалось, воеводе ничуть не заинтересовала. Увидев, что тот откровенно скучает и думает о чём-то своём, Степан Петрович начал скататься и суетиться. Отчего рассказ получился ещё более невнятным.

Римский слушал или, точнее, делал вид, что слушает гостя, а сам никак не мог понять, чем Фимкина история так его зацепила. Ну, увидел Фимка на дворе Сеньки Поповых незнакомого парня и девку, и что с того? Может они его родня или знакомцы? А девка стрижена не потому, что немка, а просто завшивела. Вот и пришлось её постричь. Потому и сидят у Сеньки. Ждут, когда волосы отрастут.

И главное — зачем это ему, воеводе? Чего ради он должен трястись над какой-то шаклеватой девицей? Ради Государева дела? «Не смешите меня! — Римский улыбнулся. — Всё это для простаков и дураков. В то время как всякий заботится о себе. Думает, как ему выжить. Как лохмотник, так и Государь. Просто одни выживают сами, а другие за чужой счёт. Вот и вся разница! Так с чего бы ему, думному дворянину Алексею Ивановичу Римскому, в столь замечательный день думать о каких-то пришлых простаках? Да ещё выдать для их поимки стрельцов! Чтобы те носились за ними по всему городу. Вот будет потеха! А разговоров, вообще, до конца года!».

Заметив, что воевода изменился в лице, Степан Петрович понял, что не сказал о самом важном и поспешил исправить свою ошибку.

— Ты, Алексей Иваныч, наверное, думаешь, каков тут твой интерес?

Подьячий бросил взгляд на окно, подошёл к сидевшему за столом товарищу, наклонился и негромко, но, твёрдо расставляя слова, произнёс:

— Есть повод поставить владыку на место.

— Кого? Преосвященного Иону? — удивился воевода, с которым прежде никто таких разговоров не вёл.

— Его самого!

Теперь уже сам Римский скосился сначала на окно, затем на дверь — не подслушивает ли кто их разговор?

— И причём тут владыка?

Римский в самом деле не мог сообразить, как вся эта история может навредить правящему архиерею. Хотя, надо признаться, был бы вовсе не против. Поскольку с тех пор, как тот был назначен в Хлынов, забот у воеводы прибавилось в разы.

Новый владыка ни дня не сидел без дела! Не то, что его предшественник епископ Александр, который полсрока просидел в Москве, а затем и вовсе сбежал в любимую Коряжму. Вот с кем не было хлопот! Порой Римскому казалось, что новому архиерею чего не дай — всё будет мало. Завёл себе с полсотни церковников, и каждого из них определи на постой и прокорми! В Кремле землю под архиерейский дом — дай! Денег на поездку в Москву — дай! Рыбные ловли на Великой реке, да курью Берёзову с истоками, да Павловский луг, да земли под Суной — дай! А кто будет платить подати в казну? Воевода! Только где же их взять, если всем — дай, а новому архиерею больше всех? Нет! Зря Вятка завела себе епархию! Одно утешает — может, не навсегда? Найдётся-таки способ укоротить нового архиерея?

— Так что скажешь, Алексей Иваныч? — повторил вопрос подьячий.

Римский не спешил с ответом. Пауза затянулась. Словно читая мысли своего собеседника, подьячий улыбнулся.

— Да как же не причём? Если архиерей за всё стадо в ответе, а его интерес поперёк нашего. Неужели мы с тобой, Алексей Иваныч, не надумаем?

Воевода снова бросил взгляд на окно. Задумчиво поперебирал костяшками пальцев по столу. Откинулся на сиденье и, всё также молча, кивнул. Впрочем, этого было достаточно. Товарищи давно понимали друг друга без слов.

Глава 13. В Кремле

Испросив добро у воеводы, Степан Петрович, для своих лет по-молодецки сбежал с крыльца, обогнул Приказную избу и с силой стукнул кулаком в дверь стрельцовой. Из которой неожиданно высунулась Фимкина голова, и только затем показались стрельцы.

— Ну, как? — поинтересовался крестник. — Идём?

Ефим уже давно прибежал в приказ и заждался подьячего. Вообразив будто ему поручено стеречь стрельцов, чтобы те ненароком не разбежались. Отчего постоянно вертелся у двери.

— Мы идём, а ты жди здесь! — охладил его пыл подьячий.

— Пошто? — возмутился крестник.

Но крестный был непреклонен.

— Сказал же, жди здесь! Не то будешь путаться под ногами и всё испортишь.

— Ну, дядя Степан! — заканючил Фимка, однако, увидев, что этим не пронять, посе- рьёзней и заключил. — Ага! Значит, так? Вы с воеводой решили выставить себя молодцами. Только это я первый...

Фимка взвизгнул от боли. Это один из стрельцов с силой сжал его плечо.

— Ты как со старшим разговариваешь?

— Бунт затеял? — поддержал товарища второй стрелец. — Степан Петрович, вели его в острог посадить. До ночи, а лучше до утра.

— И то верно, — согласился первый, не выпуская Фимку из железных объятий. — Пускай остынет. А то больно горяч!

— Не надо в острог! Я здесь подожду, — пошёл на попятную Фимка, которому меньше всего хотелось провести остаток дня в тёмной клетке с крысами и пауками.

— Ну, будет! Попугали парня и хватит!

Рязанцев развернул крестника лицом к себе.

— Хватит злыдни перегревать! Никто тебя не забудет. Вон он, Сенькин двор! Отсель видать. — Степан Петрович кивнул в другой конец Кремля. — Мы быстро туда и обратно, а ты жди здесь и не ёрзай!

Подьячий ещё раз сурово зыркнул на Фимку. Не со зла. Для острастки. Поправил кафтан и вышел из клетки. Стрельцы послушно увязались за ним, закинув бердыши на плечи и стараясь подобрать шаг, чтобы те не раскачивались и не мешали идти. Пищали было решено оставить в стрельцовой, чтобы не привлекать внимания зевак, которым только дай за что-то зацепиться, и вскоре о том будет судачить весь город. Да так, что не разберёшь, где правда, а где бабьи басни.

Сказав, что из Приказной избы можно увидеть двор Поповых, подьячий слукавил. На самом деле, было не так. Точнее, пару лет назад его, действительно, можно было разглядеть. До того, как в центре Кремля начали возводить белокаменный Троицкий собор. Первый и долгожданный. Какого хлыновцы отродясь не видели. Ныне храм поднялся уже выше Приказной избы и всё ещё продолжал расти. Словно в споре между земным и небесным хотел раз и навсегда поставить точку.

Место под собор было выбрано ещё при епископе Александре. Однако до дела тогда не дошло. Хлынов так и остался деревянным. Отчего в нём регулярно случались пожары. Казалось бы, этому давно уже надо было положить конец. Начать строить из камня и перестроить весь город. Заложить новые просторные площади. Расширить улицы. Чтобы дворы не лезли друг на друга, и не надо было протискиваться между заборами, рискуя порвать сарафан или быть покусанным чужим псом.

Казалось, перемены не могли не радовать. Только не тех хлыновцев, чьи дворы находились в Кремле. Теперь же их предстояло перенести на Посад, где все лучшие места уже были заняты. Получалось, что самые знатные и родовитые горожане, чьи предки когда-то основали

Хлынов, должны были оставить отчий дом и искать место на окраине, а то и вовсе в пригородных слободках. Разве это справедливо? Какой позор! И всё ради того, чтобы в Кремль заехал архиерей со своей челядью, о которой ещё вчера не было ни слуха, ни духа.

Поэтому, когда пять лет назад епископ Александр бежал из Хлынова в родную Коряжму, многие с облегчением вздохнули. Туда ему и дорога! Понадеявшись, что после столь дерзкого поступка кафедру на Вятке упразднят, и местных богомольцев снова припишут к Москве или Казани. «Жили без архиерея целых пятьсот лет и ещё столько же проживём!» — думали они и уже строили планы на будущее.

Как вдруг, словно гром среди ясного неба, в Хлынов был назначен епископ Иона. Молодой — лишь недавно разменявший сорок лет. Деятельный — успевший потрудиться в Калязине и Тихвине. Но уже многоопытный, не понаслышке знакомый с каменным зодчеством. Приехал и привёз с собой артель московских мастеров, возводивших храмы для самого патриарха Никона.

Уже следующей весной в Кремле был заложен каменный собор. Какая это была радость! И какой удар для тех, кому пришлось-таки перебраться на Посад. Как они лютовали! Конечно, не вслух — спорить с царским указом себе дороже. Но за закрытыми дверьми сдержаться не могли. Дошло до того, что одного из архиерейских слуг вскоре нашли убитым. Однако воевода так развернул дело, что душегубов не нашли, и убиенный сам оказался во всём виноватым. Тот случай ещё больше подлил масла в огонь. Тем более что в «лучших» домах и дворах, земля уже давно тлела под ногами. Как медленно тлеют торфяники, отравляя округу едким дымом и постепенно сводя людей с ума.

Что касается Степана Петровича, то до всех этих разборок ему дела не было. Однако за близость к воеводе надо было платить — держаться его стороны. В то время как Семён Поповых горой стоял за владыку Иону. Радуясь тем переменам в жизни Хлынова, что пришли вместе с новым архиереем. Отчего их предстоящая встреча казалась подьячему если не судьбоносной, то неслучайной. Но началась она совсем не так, как он ожидал.

Глава 14. Гости из будущего

Двор Семёна Поповых находился в северном конце Кремля. Рядом с Богоявленской церковью, где его отец Федор Осипович служил дьячком. Сам Семён выбрал другую стезю — мирскую, став помощником таможенного головы. Но о церкви по-прежнему радел. Помогая отцу не потеряться среди вороха бумаг, который с каждым годом становился всё больше и невыносимей. В прямом смысле. Поскольку ни одной бумажки нельзя было вынести и выбросить, но все следовало хранить и беречь. Хорошо, что церковь была недалеко от дома. Иначе Ксения Яковлевна уже давно постелила бы обоим в церковном притворе, чтобы отец и сын не тратили время на хождения туда сюда, а ели и спали прямо на рабочем месте.

Вот и сегодня Семён Фёдорович уже успел побывать в храме и сейчас шёл домой. Узким, вертлявым переулком, больше похожим на лесную тропу, выходящую среди дворов и заборов. Чтобы потрапезничать и, главное, решить, что делать с незнакомцами, которые прошлой ночью постучались в их дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.